

ЗАПИСКИ

КОЛЛЕГИИ ВОСТОКОВЕДОВ

ПРИ АЗИАТСКОМ МУЗЕЕ

АКАДЕМИИ НАУК

Союза Советских Социалистических Республик

ТОМ V

ЛЕНИНГРАД

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

1980

Ученые мусульманского «ренессанса»

В новейшем труде о культурном расцвете мусульманского мира в конце первого тысячелетия нашей эры этот расцвет называется «ренессансом ислама» («Die Renaissance des Islâms»); по мнению И. Ю. Крачковского,¹ автор книги, покойный Adam Mez, имел полное право дать такое название культурной жизни IV в. х. По мнению немецкого рецензента книги Меца (С. Н. Becker)² автор, может быть, несколько преувеличил роль чисто-эллинистических элементов в расцвете мусульманской культуры; по меньшей мере такое же значение имела персидская традиция, хотя и она до некоторой степени подверглась влиянию эллинизма. Спорить с Мецом, как замечает и Беккер, было бы трудно уже потому, что в его книге приводятся только факты, без прагматического изложения. Мец не успел написать предисловие к своему труду, вышедшему в 1922 г., через пять лет после смерти автора. В предисловии издателя (Reckendorf) отмечено, что слово «Renaissance» встречается в книге только один раз (стр. 264), где арабская географическая литература рассматривается как «Kind der Renaissance des 3./9. Jahrhunderts» и где говорится о роли Киндй, «eines Hauptvermittlers griechischer Wissenschaft», и о зависимости Ибн-Хордâдбеха, по его собственным словам, от Птолемея.³ В том же предисловии отмечаются еще слова о «Wiederaufleben alter griechisch-römischer Lehren», о значении этого факта для истории мусульманского права

¹ Rocznik Orientalistyczny, III, 255. Книга Меца упоминается И. Ю. Крачковским также в ИАН, 1927, 1166.

² Der Islam, XIII, 279.

³ Нет надобности доказывать, что теперь писали бы о начале арабской географической литературы несколько иначе.

(стр. 202), о «christlich übertünchte hellenistische Welt» и ее влиянии на религию Мухаммеда (стр. 268). По словам автора предисловия, Мец был не вполне доволен выбранным заглавием, но не нашел лучшего.

Из приведенных мест видно, что для Меца общим признаком европейского ренессанса и мусульманского культурного расцвета было возрождение греческой науки. Трудно было бы спорить, что выбранное им заглавие может вызвать некоторые недоразумения; буквально оно значит «возрождение ислама»; так о направлении романтиков начала XIX в. говорили иногда как о «Renaissance des Mittelalters». Лучше было бы сказать например «Die Renaissance in der Welt des Islâms» (ср. заглавия классических трудов о европейском ренессансе: J. Burckhardt. Die Cultur der Renaissance in Italien; Geschichte der Renaissance in Italien, и др.). Но едва ли было бы полезно, при современном состоянии науки, спорить о том, насколько велики черты сходства и черты различия между европейским ренессансом и мусульманским культурным расцветом, насколько оправдывается или должно быть отвергнуто употребление слова «ренессанс» по отношению к мусульманскому миру. Может быть, Беккер прав в том, что было бы несчастьем, если бы, под влиянием книги Меца, получил слишком широкое распространение взгляд на соответствующие века мусульманской эры, как на эпоху «ренессанса», со всеми признаками, которые обыкновенно вкладываются в это понятие. В мусульманском мире не было многовекового господства варварства, и даже первые два века хиджры не были временем полного вытеснения традиций прежней культуры; увлечение античной культурой не достигало таких размеров, как в Европе в эпоху ренессанса, не было и того презрения к прежним временам; едва ли в арабской литературе эпохи расцвета можно было бы найти такие выражения, которые могли бы быть сопоставлены с отзывами авторов эпохи ренессанса обо всем «готском» и «вандалском».¹ Но и мусульманский ренессанс окружил некоторым обаянием представление о науке или науках древних (علم الاوائل или علوم الاوائل).² Отражалось ли это обаяние, хотя бы только в IV в. х. и хотя бы только на жизни образованного общества, в такой степени, чтобы можно было говорить, без кавычек,

¹ Известно происхождение и первоначальное значение термина «готическая архитектура», только впоследствии утратившего оттенок порицания. Еще Вольтер писал о своем столкновении с Фридрихом II прусским как о «гото-вандалской истории».

² Оба термина например в Ibn al-Qiftî's Ta'rih al-ḥukamâ', ed. Lippert, S. 241.

о мусульманском ренессансе, покажут дальнейшие исследования, которые, вероятно, будут вызваны книгой Меца. Помимо обычной работы по проверке и дополнению собранного в таком сводном труде материала на основании источников, которыми автор не мог воспользоваться, в данном случае необходимо, кроме того, помнить, что книга вышла не при жизни автора и не подвергалась авторской корректуре (издатель не внес никаких изменений по существу и только небольшое число изменений и дополнений стилистического характера). Мелкие недосмотры, обыкновенно исправляемые в корректуре,¹ при таких условиях не могут быть поставлены в вину автору, но в интересах науки, конечно, должны быть отмечены.

В настоящей статье будет рассмотрена глава (12-я, стр. 162—180), посвященная ученым. Не меньший интерес представляют, конечно, последние главы книги, посвященные различным отраслям материальной культуры; интересно, между прочим, замечание (стр. 405), что на Востоке давно утвердилось господство пшеницы, тогда как в сельском хозяйстве европейского средневековья главным событием было вытеснение пшеницей проса и ячменя. Но для характеристики эпохи «ренессанса» едва ли не главное значение имеет очерк жизни и деятельности ученых.

В первых словах этой главы отмечается отличие специалиста-ученого, *'ālim*, от широко образованного человека, *adīb*. Вместо прежнего идеала рыцарского и придворного воспитания к адйбу в III в. хиджры или IX в. н. э. предъявляются другие требования; он должен уметь говорить обо всем и этим напоминает современного журналиста. Приведенный в книге Меца текст, может быть, не так характерен, как слова Якута в его сочинении об адйбах:² «Разница между адйбом и 'алимом заключается в том, что адйб берет от каждой вещи лучшее и соединяет это в одно целое, 'алим старается познать какую-нибудь одну отрасль знания и достигнуть в ней совершенства».³

Об адйбах говорится, конечно, не в главе об ученых, но в главе о литературе (17-й, стр. 227 и сл.). По мнению автора, арабы высоким

¹ Достаточно сказать, что в главе об ученых приводятся три даты смерти везира (сāхиба) Исма'ила ибн 'Аббāда: 384 г. (стр. 167, также 86), 386 г. (стр. 168), 385 г. (стр. 171; правильная дата, также стр. 95).

² GMS, VI, 1, 17.

³ Смысл фразы ясен, хотя текст несколько искажен. Издатель предлагает читать *فيقتنه* вм. *فيعتله*; может быть следует читать *فيعتليه*.

уважением к слову, притом не только к мерной речи, превосходят все народы; рядом с шā'иром (поэтом) стоит хатīb (оратор). Когда устное слово уступает место письменному (этого процесса автор не касается; он закончился до наступления III в. хиджры), вырабатывается умение писать обо всем, в том числе о предметах книжной учености, в легкой занимательной форме, не утомляя читателя и быстро переходя от одной темы к другой. Типичным литератором такого направления является хорошо знакомый русским читателям, благодаря бар. В. Р. Розену, Джāхиз¹ (умер в 869 г.). В книге Меца (стр. 229) приводится восторженный отзыв о Джāхизе у Мас'удī, который и сам, по мнению современного ученого,² должен быть признан предшественником репортеров и глобтроттеров нашего времени.

Блестящее внешнее образование и связанное с ним красноречие давали адībу несомненные преимущества перед специалистом-ученым; в этом отношении арабские традиции вполне сходились с традициями античной культуры. У Джāхиза³ приводятся слова некоего корейшита, потомка 'Аттāба ибн-Асīда, совершенно неверно переданные в книге Меца (стр. 178): «Человек может быть грамматиком, знатоком метрики, уметь производить дележ (наследства) по шариату (т. е. быть сведущим в фикхе), быть каллиграфом, хорошо знать арифметику, знать наизусть коран, помнить и передавать стихи — и всетаки он согласится обучать наших детей за 60 дирхемов (в месяц); но кто обладает красноречьем и умеет хорошо излагать мысли, хотя бы у него не было никаких других познаний, не согласится на это и за 1000 дирхемов».

Блестящему и, конечно, материально вполне обеспеченному адībу противопоставлялся высокий идеал ученого, всецело преданного науке, избегающего общества, равнодушного к житейским благам (стр. 163). Знаменитый философ Фāрāбī довольствовался одним дирхемом в день (стр. 179). Пример еще большего равнодушия к деньгам приводится

¹ Ср., напр., ЗВО, III, 160; VI, 337.

² J. Marquart. Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge. Lpz. 1903, S. XXXV.

³ كتاب البيان والتبيين, егип. изд. 1313 г., I, 151. В моей «Культуре мусульманства» (стр. 53) эти слова приводятся из Якута (GMS, VI, 1, 29) где нет первых слов текста Джāхиза, и потому ошибочно приписываются испанцу XII в. Ибн-'Аттāбу. У Джāхиза говорится об одном из потомков 'Аттāба ибн-Асīда, наместника Мекки при Мухаммеде (по Ибн-Кутейбе معارف, 144, он умер одновременно с Абу-Бекром, т. е. в 634 г., по Табари, I, 2672, он был наместником Мекки еще при Омаре в 22 = 643 г.).

в сочинении Абу-л-Хасана Бейхақи (1106/1169—70),¹ вообще заключающим в себе много интересных данных, которые могли бы дополнить книгу Меца. Астроном Абу-л-Фатх 'Абд-ар-Рахман ал-Хазин, автор составленных около 509 г. (1115—6) для султана Санджара астрономических таблиц,² получил в награду от султана 1000 динаров и вернул их султану со словами: «Мне они не нужны, — у меня осталось 10 динаров; в год мне довольно трех динаров; со мной в этом доме живет только кошка». Он ел (обедал) три раза в неделю, в остальные дни довольствовался двумя лепешками.³ Идеал аскета-ученого переносился и в эпоху античной культуры; когда Ибн-Синā (Авиценна) стал вести более широкую жизнь, в этом видели нарушение старых традиций.⁴ Мало известно до сих пор о студенческой жизни той эпохи, когда еще не было медресе. В книге Меца (стр. 176) приводится рассказ о пожертвовании во время третьего и последнего везирства Ибн-ал-Фурāта (923—924) 20 000 дирхемов в пользу студентов богословия (طلاب الحديث); из подробностей рассказа делается вывод, что такие жертвования не составляли в то время обыкновенного явления. Делается ссылка на «Книгу о везирах» Хилāля; в том же тексте Хилāля⁵ и в истории Ибн-Мискавейха⁶ автор мог бы найти дополнительные подробности. Пожертвование было сделано в равных долях в пользу студентов, изучавших литературу (طلاب الادب), и в пользу «записывавших

¹ Brock, I, 324, по Berl. 10052; ср. теперь более точные даты в биографии Абу-л-Хасана Бейхақи у Якута, GMS, VI, 5, 208—218. Я пользуюсь константинопольской рукописью Сулейманийе, 494. С берлинской рукописью я ознакомился только после того, как была слана в печать настоящая статья. Берлинская рукопись заключает в себе только сочинение Бейхақи; константинопольская кроме того еще сокращенное изложение (музтасар) основного сочинения Саван الحكمة Абу-Сулеймана Седжези и прибавление к труду Бейхақи, под заглавием اتمام التتمة.

² Сохранились в рук. Vat. Arab. 761, использованной Наллино, Al-Battani, I, p. LXVII. У Brock. не упоминается.

³ وبعث السلطان الاعظم سنجر اليه الف دينار على يدي الامير الامام شافع الطيب فرده وقال لا احتاج اليه وبقي لى عشرة دنائير ويكفينى كل سنة ثلثة دنائير وليس معى فى هذا الدار الا سنور وكان ياكل فى كل اسبوع ثلث مرات ويتغدى بكل يوم جردقين. (берл. рук. 906 и сл.)

⁴ وكان الحكماء المتقدمون مثل ارسطوطاليس وافلاطن وغيرهما زهادا وابو على غير سننهم.

⁵ Hilāl al-Sābi. Kitāb al-Wuzara, ed. Amedroz, p. 201 и сл.

⁶ GMS, VII, 5, 210.

хадисы», т. е. студентов богословия, и считалось самым крупным после пожертвования, сделанного еще в эпоху омайядов, когда Маслама ибн-Абд-ал-Мелик завещал в пользу студентов, изучавших литературу (طلاب الآداب), третью часть своего имущества. О другом Ибн-ал-Фурате (Ахмеди), брате первого (‘Али), говорится, что он обладал превосходной памятью и легко постигал все, что принимался изучать; он только жалел, что потратил три года на изучение науки Евклида (геометрии), вместо того, чтобы посвятить эти годы изучению фикха. Фикх он знал лучше всех людей, по учению всех толков. Все это мало соответствует представлению о государственных деятелях эпохи «ренессанса».

Вопрос о происхождении медресе Мецу совершенно не удалось выяснить. Из сочинения Субкӣ (XIV в.) приводится (стр. 172) известие, что историк нишапурских ученых ал-Хаким (умер в 405 = 1014 г.)¹ называет первым медресе построенное в Нишапуре для его современника Исфарайнӣ (умер в 418 = 1027 г.). В тексте автора XII в. Ибн-‘Асакира говорится только о постройке для Исфарайнӣ в Нишапуре медресе, «подобного которому там раньше не было».² Из сочинения Муқаддасӣ или Мақдисӣ, на которое в книге Меца ссылки встречаются часто, автор мог бы убедиться в том, что медресе были в Нишапуре еще в X в.³ Первым по времени событием, в рассказе о котором говорится о существовании медресе, остается бухарский пожар 325 = 937 г., о котором сообщает Нершахӣ.⁴

Из рассказа ‘Утбӣ о современном ему медресе султана Махмуда в Газне автор мог бы убедиться в том, что в этом медресе были библиотеки и аудитории, но, в противоположность более поздним, не было жилых помещений. Комнаты от пола до потолка были наполнены книгами; фақихи и ‘алимы столицы приходили туда только для преподавания и научных исследований.⁵ Медресе имели приблизительно такое же назначение, как те библиотеки и «дома науки», о которых довольно подробно говорится

¹ У автора здесь 406/1015, на стр. 184 405/1014, на стр. 186 405/1015. По Сам’анӣ (GMS, XX, 99 b) ал-Хаким умер в сафаре 405 г. (августе 1014).

² Труды III Междунар. съезда ориенталистов, II, 305. В том же Нишапуре, приблизительно в то же время, как медресе для шаф’ита Исфарайнӣ, было построено ханафитское медресе ревностным поборником ханафитского толка, наместником Насром, братом Махмуда газневидского (‘Утбӣ-Манӣнӣ, II, 331).

³ BGA, III, 315, 1.

⁴ Nerchakhy, ed. Schefer, 93. Ср. ЗВО, XXIII, 9.

⁵ ‘Утбӣ-Манӣнӣ, II, 299.

в книге Меца, где приводится (стр. 169) и бюджет, на скромность которого я обратил внимание в другом месте,¹ «дома науки», основанного в Каире в 395 = 1004—5 г. Обращает на себя внимание жалование библиотекаря — 48 динаров в год, т. е. 4 динара (около 20 р.) в месяц.

Медресе, как видно из слов о постройке медресе для Исфарайни и о назначении медресе Насра в Нишапуре, предназначались исключительно для преподавания и изучения богословия, причем от 'алимов (ученых) отличались фақихи (правоведы). На это различие Мец обращает особое внимание (стр. 163 и 180); по его словам, освобождение от правоведения, которому оно до тех пор было рабски подчинено, было величайшим достижением мусульманского богословия в IV в. х. (X в. н. э.). В свое время фикх, возникший благодаря возрождению греко-римских правовых теорий, был шагом вперед по отношению к первоначальному богословию, основанному только на словах бога и пророка; противниками фақихов были «люди предания» (اصحاب الحديث, стр. 120).² Можно было бы к этому прибавить, что и предание, вероятно, не сразу завоевало себе место рядом с кораном; у Якута³ приводятся слова грамматика Са'лаба, где рядом с фақихами и приверженцами предания отдельно упоминаются приверженцы корана (اصحاب القرآن). Теоретическое богословие (каләм) сначала было еретическим и запретным; еще в 279/892 г. книгопродавцы были обязаны присягой не продавать книг по каләму, диалектике (джадль) и философии.⁴ В IV в. х. Аш'арй создал правоверную догматику, но и школа Аш'арй долго подвергалась преследованиям (стр. 196 и сл.).

Каләм старался подкрепить догматы веры научными доказательствами и тем самым вносил в религию элементы сомнения; представителю каләма, мутекаллиму, противопоставался мухаққиқ, «убежденный в правде» (веры) и не нуждающийся в доводах разума. Были, конечно, ученые, старавшиеся примирить оба направления, как сам Аш'арй не видел никакого разногласия между своим учением и учением Ахмеда ибн-Ханбали, «посредством которого бог обнаружил истину и уничтожил сомнение

¹ Культура мусульманства, стр. 53.

² Ср. приведенный мной в книге: История культурной жизни Туркестана. Л. 1927, стр. 31, рассказ о постройке в Мерве Абдуллою, сыном Мубарека, отдельных рабатов для людей преданий и людей фикха (первоисточник — GMS, XVII, 96, Джуллаби; текст в изд. Жуковского, стр. 119).

³ GMS, VI, 2, 150.

⁴ Tabari, III, 2131

сомневающихся».¹ Знаменитый Абу-Хайян Таухйиди, умерший после 400 г. (1009—10),² был «мухаққиқом калāма и мутекаллимом мухаққиқов».³ В персидской литературе мухаққиқу противопоставлялся вообще ученый, *даншманд*.⁴

Представителям власти приходилось соблюдать некоторое равновесие между учеными разных направлений, как показывает приведенный выше рассказ о пожертвовании везиром Ибн-ал-Фуратом одинаковой суммы в пользу двух категорий студентов, изучавших литературу и записывавших предания. Буидский министр Абу-л-Фатх ибн-ал-'Амид,⁵ убитый в 366 г. (976—7), во время своего пребывания в Багдаде устраивал у себя собрания ученых; один день принадлежал фақихам, другой — адībам, третий — мутекаллимам, четвертый — философам.⁶ Тот же Абу-Хайян Таухйиди считался философом адībов и адībом философов,⁷ из чего видно, что между адабом и философией видели некоторую близость и в то же время принципиальное различие.

По словам Меца (стр. 162) до тех пор свой научный метод и научный стиль имели только богословие и философия; теперь (в III в. х. или IX в. н. э.) свой стиль выработали также филология, история и география. Трудно было бы доказать, что в мусульманском мире философия раньше других наук выработала особый научный язык. Философии Мец не посвящает особой главы и только в немногих местах упоминает о жизни и деятельности отдельных философов. Между тем для оценки мусульманского «ренессанса» вопрос о степени усвоения мусульманами античных философских систем имеет несомненное значение. В этом отношении можно найти много неопубликованного материала в книге Бейхақй, представляющей, как известно, переработку и продолжение книги Абу-Сулеймана ибн-Тāхира ибн-Бехрāма Седжези,⁸ написанной около 370/980 г. для сеистанского князя Абу-Джа'фара ибн-Бāбуе. Среди известных имен сеистанских

¹ Текст Ибн-'Асāкира в Трудах III Междунар. съезда ориентал., II, 285.

² GMS, VI, 5, 381.

³ Ibid., 380.

⁴ ИАН, 1921, 205.

⁵ О нем в книге Меца, стр. 110.

⁶ GMS, VI, 5, 360.

⁷ Ibid., 380.

⁸ О нем Кифтй, 282 и сл. Абу-Сулейман был настолько проникнут традициями греческой науки, что называл греческую грамматику, в противоположность арабской, «нашей» (ср. в книге Меца, стр. 225). Его преданным учеником был Абу-Хайян Таухйиди.

князей нет имени Ибн-Бабӯе, которое, по всей вероятности, есть прозвание; имя Абу-Джа'фар носил из этих князей только Абу-Джа'фар Аҳмед ибн-Муҳаммед ибн-Халаф, правивший, по определению Цамбаура, «приблизительно» от 320/932 до 344/955—6 гг.¹

Сеистанский князь начал свое образование с науки политики (علم السياسة) и потом приобрел обширные познания и в других отраслях знания, лучше всех людей, которых знал Абу-Сулейман Седжезӣ, был знаком с греческой литературой, мог цитировать Демокрита и помнил все наставления Аристотеля Александру; особенное значение он, и в своей личной жизни, придавал господству над страстями; за стихи, в которых к воину предъявлялось такое требование, один арабский поэт приравнялся им к (греческим) мудрецам.² Однажды у князя зашла речь о мусульманских философах; князь сказал: «Хотя их много, но мы не нашли между ними ни одного, которого мы поставили бы наравне с Сократом, или Платоном, или Аристотелем». Присутствующие спросили: «Не исключая и Киндӣ?» Князь подтвердил, что не делает исключения ни для Киндӣ, ни для другого славившегося тогда философа и знатока греческой науки, Сабита ибн-Қурры³ (умер в 901 г.); в остальных он видел только подражателей двум названным.

¹ E. de Zambaur. Manuel etc. Hanovre, 1927, p. 200.

² قال ابو سليمان محمد بن طاهر بن بهرام السجزي كان الملك ابو جعفر قويا في علم السياسة ثم يتصرف في غيرها ببصيرة حسنة وكان آخذا نفسه بجوامع السياسة مع المروّة الظاهرة والعفاف الغالب وضبط النفس عند عارض الهوى وكان ينشد كثيرا بيتين ويتعجب من صحتهما وجودتهما وحسن نحتهما ويقول لقد وفق هذا الشاعر ولا اقول انه شاعر الا من جهة النظم والوزن والقافية ولكن اقول هذا هو الحكيم

فتى لم يتبع نعمة بعد ما مضت * بمنّ ولم يمطل وعيدا ولا وعدا
هواه له عابد ولا يكمل الفتى * اذا لم يكن يوما هواه له عبدا

وكان يحفظ من كلام اليونانيين ونواديرهم وسيرهم واحوالهم ما لم ار احدا عليه — قال اتى لاستحسن شيئا حكي عن ديمقراطيس — وكان يحفظ جميع الفقه التي لارسطوطيلس في السياسة مما كتب الى الاسكندر شافيه.

وذكر ابو سليمان السجزي قال اجتمعنا ليلة عند الملك ابى جعفر ابن³ بابويه بسجستان فجرى حديث فلاسفة الاسلام قال الملك ما وجدنا فيهم مع كثرتهم من يقوم في انفسنا مقام سقراط او افلاطون او ارسطوطيلس فقيل ولا الكندي قال ولا الكندي ان الكندي على غزار اربه وجودة استنباطه ردى اللفظ قليل الحلاوة

Эти слова могли быть сказаны только в такое время, когда труды Фāрāбī еще не были оценены и когда Авиценна (Ибн-Сīнā) еще не выступал. Уже тогда возбуждался вопрос о примирении «греческой философии» с «арабским шариадом»;¹ этой целью объяснялась деятельность «верных товарищей»;² эти стремления решительно осуждались Абу-Сулеймāном Седжезī, по словам его ученика Абу-Хайяна Таухїдї;³ приводится разговор Таухїдї с бундским везиром около 373 г. (983—4). Уже Абу-Сулеймāном было употреблено сравнение религиозного откровения с лекарством для больных (известно, что такой же довод высказывался при современных антирелигиозных диспутах), философии со средством сохранить здоровье и не нуждаться во враче.

Об Авиценне (Ибн-Сīнā) и его школе любопытные сведения сообщаются в книге Бейхақї. Из учеников Авиценны наибольшей известностью в европейской науке пользуется биограф учителя, Абу-‘Убейдулла Джўзджāнї; между учителем и учеником предполагается и научная близость, и в книге Броккельмана⁴ о Джўзджāнї говорится, как о «Lieblings-schüler» Авиценны. В действительности он, повидимому, был своего рода Босвелем при Джонсоне; по словам Бейхақї, среди учеников Авиценны не было ни одного менее способного; в собраниях у Авиценны он вел себя как мурїд, а не как ученик, умеющий извлекать пользу из преподавания учителя.⁵ Любимым учеником Авиценны был Абу-‘Абдулла Ма‘сūмї;⁶

متوسط السيرة كثير العارة على حكمة الفلاسفة وثابت بن قرة الزم للقطب واشد
اعتناقاً لهذا الفن ثم جميع الناس يتقاربون بعدهما ولهما سبق على ان الذين
مكسرة اخراب (احزب Cod) هذا الشأن وذكر أشياء من هذا الضرب تركنا كراهة
للإطالة.

¹ Қифтї, 84, наверху.

² О значении термина اخوان الصفا Goldziher, Der Islam, I, 22 и сл.

³ Қифтї, 82, 15.

⁴ Geschichte der Arab. Litt., I, 453. Из начала рукописи Berl. 2072 (ibid., 454, № 19) можно заключить, что Авиценна называет своего ученика «шейхом».

⁵ الفقيه الحكيم ابو عبيد الله عبد الواحد بن محمد الجوزجاني — وصّف
بالفارسيّة كتاب الحيوان ومنه نسخة في الخزائن النظاميّة بنيسابور ولم يوجد في
تلامذة ابي على اقل بضاعة منه وسمعت بعض اساتذتي انه قال الحكيم ابو عبيد
كان في مجلس ابي على على شبه مرید لا شبه تلميذ مستفيد (берл. рук., 55a).

⁶ О нем Brock. I, 458.

Авиценна говорил о нем: «Он по отношению ко мне то же, что Аристотель по отношению к Платону».¹

Бейхақӣ сообщает интересные сведения и о более близких ему по времени философах, из которых он некоторых знал лично. Сведения об 'Омаре Хаййме (умер в 515 = 1121—2 г.) уже были приведены в другом месте.² Ученик 'Омара Хаййама Абу-л-Ма'али 'Абдулла ибн-Мухаммед Мийнджӣ был в то же время учеником Ахмеда Газали (умер в 520 = 1126 г.); в своей книге *زبدة الحقائق* он смешивал учение суфиев с учением философов; он погиб жертвой вражды к нему везира.³ Друг 'Омара Хаййама, философ Абу-Хатим Музаффар Исфизарӣ, потратил свою жизнь на устройство «весов Архимеда», избличавших всякое злоупотребление. Казначей султана Санджара, евнух Са'ада, испугался, что будет избличен этими весами, сломал их и уничтожил их отдельные части; когда философ узнал об этом, он заболел и умер от огорчения.⁴ Философ еврей Абу-л-Баранат Багдадӣ⁵ считал себя равным Аристотелю; во время борьбы между халифом Мустаршидом (1118—1135) и султаном Мас'удом сельджукским (1133—1152) он был взят в плен; ему угрожала смерть; он принял ислам и этим не только спас себе жизнь, но и приобрел милость

ابو عبد الله المعصومی الحكيم — وقد صنف المعصومی كتابا في المفارقات واعداد العقول والافلاك وترتيب المبدعات وكانت في الخزانة النظامية بنيسابور منها نسخة فاخذها جمال الملك بن نظام الملك ولا ندري اطارت بها العنقاء ام ادركها الغناء وكانت هذا الكتاب معشوق كافة الحكماء — وكان ابو على رحمه الله يقول هو منى بمنزلة ارسطو من افلاطن ورايت رسالة في عالمية الله تعالى منسوبة الى المعصومی ولم يتحقق لي انها له او لغيره والغالب على ظني انها له والله اعلم (берл. рук. 56 а и сл.)

² Der Islam, III, 43 и сл.; ср. ЗВО, XXV, 404. Ср. теперь еще Bulletin of the School of Or. Studies, V, 467 и сл.

ابو المعالى عبد الله بن محمد الميانجى (المسالجى) كان من تلامذة عمر³ الخيامى وتلامذة الامام احمد الغزالى وصنف كتابا وسماه زبدة الحقائق وخلط فيه كلام الصوفية بكلام الحكماء فصلب بسبب عداوة كان بينه وبين الوزير ابي القسم الاستنابادى (sic) (берл. 686 и сл.)

الفيلسوف ابو حاتم المظفر الاسفزارى — وهو الذى عمل ميزان ارشميدس⁴ الذى يعرف به الغش والعبار وصرف عمره في ذلك مدة فحاف خازن السلطان الاعظم وهو خصي يقال له سعادة الخازن ظهور خيانتة في الخزينة بسبب هذا الميزان فقسره وفتت اجزاه ولما سمع الحكيم المظفر مرض ومات اسفا (берл. рук. 696 и сл.)

⁵ Brock, I, 460.

султана.¹ После смерти султана он был обвинен в дурном лечении и умер от страха. Ученик его, которого Бейхақи видел в Мерве в 519/1125 г., в припадке меланхолии зарезал себя в одну зимнюю ночь перочинным ножом.²

Бейхақи знал также Шахристайн, автора известной книги о религиозных и философских учениях, умершего в 548 г. (1153). Его, как известно, осуждали за то, что он в своих лекциях никогда не ссыался на бога и пророка.³ Бейхақи осуждал его за попытки философского толкования стихов корана и этим рассердил его. По мнению Бейхақи, толковать коран можно было только на основании объяснений, исходящих от спутников пророка и их последователей; между философией и толкованием корана не было ничего общего; в деле примирения философии с шариатом нельзя было, по мнению Бейхақи, превзойти Газали.⁴ Как враг греческой философии, Газали заимствовал большую часть доводов своего противофилософского сочинения у Иоанна Грамматика александрийского,⁵ который, по мусульманскому преданию, выступил против догмата троицы и нашел поддержку у мусульманского завоевателя Египта, 'Амра.⁶

الفيلسوف اوحده الزمان ابو البركات بن ملكا البغدادي فيلسوف العراق ومن ادعى انه نال رتبة ارسطو—ولما أخذ ابو البركات في مصاف المسترشد بالله والسلطان مسعود وقرب حينه اسلم في الحال وكان من قبل يهوديا فنجنا من القتل وخلع عليه السلطان وحسن اسلامه (берл. рук. 856 и сл.)

الفيلسوف محمود بن الخوارزمي كان والده وزير قسري (?) وهو تركي استولى على خوارزم وكان محمودا ديننا فاضلا كاملا استفاد من الحكيم ابي البركات ورأيته بمرو في شهر سنة تسع عشر وخمسماية فاستولى عليه نوع من السوداء فذبح في ليلة من ليالي الشتاء شخصه بسكين القلم (берл. рук. 90а и сл.)

О двух других примерах самоубийства среди ученых, по мнению автора единственных, см. в книге Меца, стр. 354.

³ Якут, معجم, III, 343; приведено в книге Меца, стр. 202 и раньше в моем «Туркестане», стр. 462, англ. изд. стр. 428 и сл.

وكان يصنف تفسيراً وبأول الآيات على قوانين الشريعة والحكمة وغيرها فقلت له هذا عدول عن الصواب لا يتفسر القرآن إلا بتأويل السلف من الصحابة والتابعين والحكمة امر هو بمعزل عن تفسير القرآن وتأويله خصوصا ما تأوله انت ولا يجمع بين الحكمة والشريعة احسن مما جمعه الامام الغزالي رضى الله عنه (берл. рук. 786 и сл.)

О толкованиях Шахристайн на суры корана Якут, III, 344 (толкование суры о Иосифе).

واكثر ما اورده الامام حجة الاسلام الغزالي رحمة الله عليه في تهافت الفلاسفة⁵ تقرير كلام يحيى النحوي (о Яхье берл. рук. 146 и сл.)

⁶ Қифтӣ, 354 и сл.

Из сочинения Бейхақи видно также, что уже в то время существовали фантастические рассказы о философах, причем авторы таких рассказов не останавливались перед явными анахронизмами. Так из какой-то «Книги о нравах философов» приводится анекдот о встрече буидского министра (сәхдиба) Исма'ила ибн-'Аббада с Фараби. Везир (родился в 938 г.) давно и безуспешно приглашал к себе Фараби (умер в 950 г.), даже обещал награду тому, кто его приведет. Однажды Фараби явился в дом везира в одежде турка;¹ гости стали насмеяться над ним и упрекать впустившего его привратника. Через некоторое время Фараби заиграл на лютне (بربط) и своей игрой нарочно погрузил в сон все собрание; потом он ушел, написав на лютне: «Абу-Наср Фараби пришел; вы над ним насмеялись; он погрузил вас в сон и исчез». Везир до конца жизни не мог забыть этого происшествия. Философу христианского происхождения Абу-л-Фараджу ибн-ат-Таййибу (XI в.) приписывается фантастический рассказ, по которому Абу-л-Фарадж был потомком апостола Павла, Павел — племянником (сыном сестры) Галена; тут же говорится о переписке Галена² с Иисусом.

Мусульманский ренессанс изображается в книге Меца не столько как век возрождения античных традиций, сколько как век прогресса, после которого наступает застой. В 433 (1041 г.) халиф Қадир (?)³ издал в Багдаде символ веры, подписанный богословами; это — «первое подобное сочинение с официальными притязаниями», и им определяется конец эпохи

1 ووصل ابو نصر الى البرقي وعليه قباء وذاري ونمخ (?) وقلنسوة بلقاء وكان اثنا
قصيرا على هيئة بعض الاتراك (берл. рук. 106 и сл.)

2 وكان ابو الفرج يقول انا من اولاد فولوس وفولوس كان ابن اخت جالينوس ولما
بعث الله تعالى عيسى بالحق الى الناس كان جالينوس شيخا عاجزا فبعث الى عيسى
عليه السلام وكان عيسى يقرأ ويكتب فبعث (عيسى Cod. add.) اليه ابن اخته
فولوس واعتذر وقال انا محبوس الهرم فكتب الى عيسى عليه السلام كتابا يا طيب
النفوس ونبي الله تعالى ربما عجز المريض عن خدمة الطبيب بسبب عوارض
جسمانية قد بعثت اليك بعضى وهو فولوس لتعالج نفسه بالآداب النبوية والسلم
فوصل فولوس الى عيسى عليه السلم اكرمه وصار من الحواريين وكتب عيسى عليه
السلم الى جالينوس يا من انصف من علمه الصحيح ولا يحتاج الى الطبيب الا في حفظ
صحته والمسافة لا يحجب النفوس والسلام وادعت النصارى ان فولوس صار بعد شمعون
الصفحا نبيا وله كتاب فيه دلائل البعث والحشر (берл. рук. 19a)

³ Здесь, очевидно, недосмотр; Қадир умер в 422/1031 г.

прогресса (*der Werdezeit*) в богословии (стр. 198). В то время только определялось сохранившееся до сих пор господство каждого из четырех правоверных толков в отдельных районах (стр. 204); резкого разграничения толков и установления их числа еще не было, все еще находилось в движении (стр. 203). Словарь Джаухарӣ (умер в 392 = 1001 г.)¹ настолько превосходил все другие сочинения этого рода, что о нем в продолжении нескольких веков писали противники и защитники (стр. 226). В этимологии арабы не создали ничего более высокого, чем труд современника Джаухарӣ, Ибн-Джиннӣ (стр. 227). Арабская проза осталась до сегодняшнего дня на том уровне, который был достигнут в X в. (стр. 224). Поэты IV в. х. высоко возвышались, каждый в своей области, над всеми последующими веками арабской литературы (стр. 264). Только в географии признается (стр. 268), что Бирӯнӣ (XI в.) представлял шаг вперед по сравнению с Джәхизом и Мас'удӣ.

В конце главы об ученых приводятся анекдоты, напоминающие «*die Professorenbilder der Witzblätter*» (стр. 179 и сл.). Не всегда в этих анекдотах правильно передаются слова источника; так в приведенном у Якута² рассказе Хатїба, по поводу споров между грамматиками Са'лабом и Мубаррадом, не сказано, что эта перебранка забавляла их учеников, бегавших ради этого из аудитории одного в аудиторию другого. Говорится только, что, как грамматика спорили между собой, так и среди людей возникали споры о том, кто выше, Са'лаб или Мубаррад. Приводится мнение одного из тәхиридов, по которому для того, чтобы судить о том, кто учение, Са'лаб или Мубаррад, надо было бы быть учение их обоих.

Предлагаемая статья посвящена только одной из сторон жизни, затронутых в книге Меца; на выбор темы, кроме приведенных выше причин, оказала влияние и цель настоящего собрания статей, т. е. преобладающие научные интересы того ученого, которому оно посвящено.

В. Бартольд.

Июль 1929.

¹ В другом месте (стр. 180) 390/1000 г.; еще другие даты у Brock. I, 128. Точных дат рождения и смерти Джаухарӣ не знал уже Якут (GMS, VI, 2, 269).

² GMS, VI, 2, 149.